

УДК 343.101



ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОСТАВИТЬ КАК ЕСТЬ, УПРАЗДНИТЬ ИЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ?

© 2025 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: igpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 30.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению хорошо известных, но так и не разрешенных проблем, присущих возбуждению уголовного дела как дебютной стадии российского уголовного судопроизводства. Говорится о серьезных противоречиях стадии возбуждения уголовного дела, оказывающих негативное влияние на правоприменительную практику, в том числе обуславливающих юридическую ущербность результатов проводимых органами дознания и предварительного следствия проверочных мероприятий и одновременно приводящих к недобросовестности либо принципиальной невозможности производства аналогичных по содержанию процессуальных действий. Попутно высказываются предложения о причинах возникновения стадии возбуждения уголовного дела – они связываются с намерениями советских ученых-процессуалистов обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы досудебного производства, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью. В результате формулируется вывод о неприемлемости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, начало предварительного расследования, полномочия дознавателя, полномочия следователя, проверка сообщения о преступлении, рассмотрение сообщения о преступлении.

Цитирование: Россинский С.Б. Возбуждение уголовного дела: оставить как есть, упразднить или реформировать? // Государство и право. 2025. № 11. С. 170–176.

DOI: 10.7868/S3034543X25110132

INITIATION OF CRIMINAL CASE: LEAVE AS IS, ABOLISH OR REFORM?

© 2025 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: igpran@igpran.ru

Received 30.08.2025

Abstract. The article is devoted to the consideration of problems that are well known, but have not been resolved. They are inherent in the initiation of a criminal case – the first stage of Russian criminal proceedings. It is said about serious contradictions of the stage of initiation of a criminal case, which have a negative impact on law enforcement practice, including causing the legal inadequacy of the results of verification activities carried out by police and preliminary investigation bodies. It is said that such activities are often carried out in bad faith. In addition, it is said that parts of the similar procedural actions in content cannot be carried out. At the same time, proposals are made about the reasons for the emergence of the stage of initiation of a criminal case – they are associated with the intentions of Soviet scientists-proceduralists to ensure the genuine legitimacy of the preliminary investigation in the context of the original system of pre-trial proceedings that had formed by that time, which implied the endowment of extra-judicial law enforcement agencies with jurisdictional legal capacity. As a result, a conclusion is formulated about the unacceptability of the liquidation of the stage of initiation of a criminal case without extra-systemic unity with other transformations of the Russian criminal process in general, and preliminary investigation in particular, without a clear and distinct understanding of the directions and prospects of the planned reforms.

Key words: initiation of a criminal case, pre-trial proceedings, commencement of a preliminary investigation, powers of a police investigator, powers of an investigator, verification of a report of a crime, consideration of a report of a crime.

For citation: Rossinskiy, S.B. (2025). Initiation of criminal case: leave as is, abolish or reform? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 170–176.

За прошедшее время интерес к данной проблематике усилился. Автор периодически уделял ей внимание в иных научных работах, участвовал в ее обсуждении на конференциях, круглых столах и тому подобных мероприятиях. В результате одни ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами и аргументами, тогда как другие – частично переосмыслены. Ныне ощущается потребность в обобщении всех возникших за истекший период авторских взглядов на стадию возбуждения уголовного дела, в их «поселении под одну крышу» – реализации этих замыслов и посвящена данная статья.

Итак, стадия возбуждения уголовного дела, будучи частью практической деятельности органов дознания или предварительного следствия, сводится к попыткам выявления условий и предпосылок для начала (как бы «открытия») нового досудебного производства, для возникновения и дальнейшего развития процессуальных отношений, составляющих содержание следующей по порядку стадии – предварительного расследования. А ее основная цель заключается в разрешении юридической дилеммы о надобности либо ненадобности

осуществления публичного уголовного преследования в отношении установленного либо еще не установленного лица (вариативно – двух или более лиц). Лишь в случае положительного ответа на данный вопрос и официального объявления о начале реализации соответствующих намерений в постановлении о возбуждении уголовного дела – ввиду выявления признаков преступления – сотрудникам органов дознания и предварительного следствия становится дозволено использовать весь предусмотренный законом арсенал процессуальных полномочий, требуемых для избличения потенциального обвиняемого (потенциальных обвиняемых) в совершении инкриминируемого деяния (инкриминируемых деяний). Так, после возбуждения уголовного дела появляются правовые возможности производства допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, обысков, осуществления других когнитивных приемов, способствующих полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств случившегося, формированию необходимой для обоснования позиции обвинения доказательственной базы; одновременно возникают условия для применения мер пресечения,

иных правоограничительных мер, для использования предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ правообеспечительных механизмов и пр. И в этой связи от участвующих в рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях должностных лиц требуется особая тщательность в исполнении служебных обязанностей, предопределенная подлинным пониманием всей важности и юридической значимости актов возбуждения уголовного дела, осознанием всей полноты ответственности перед потенциальными обвиняемыми за незаконность начинаемых в отношении них уголовных преследований, с одной стороны, а также перед обществом, государством и пострадавшими от преступных деяний лицами за неправомерные отказы от подобных намерений — с другой.

Ввиду прелиминарности стадии возбуждения уголовного дела, ее пребывания как бы в «пред-процессуальном» пространстве — до официального объявления о начале досудебного производства посредством соответствующего постановления — деятельности органов предварительного расследования по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях присущи достаточно существенные противоречия, в течение многих лет оказывающие негативное влияние на правоприменительную практику. Так, с одной стороны, из смысла закона явствует четкий, признаваемый всеми и вполне логичный мораторий на использование подавляющего большинства находящихся в арсенале дознавателей и следователей процессуальных инструментов — в ином случае сама концепция открытия процесса посредством процедуры возбуждения уголовного дела просто лишилась бы всякого смысла. В частности, рассматривающим сообщения о преступлениях должностным лицам запрещается проводить допросы, предъявления для опознания, обыски, прочие следственные действия, составлять протоколы задержания подозреваемых, применять иные меры принуждения и т.д. за исключением некоторых прямо предусмотренных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ вынужденных «ослаблений», выраженных в дозволенности осуществления вообще не терпящих промедлений осмотров мест происшествий, предметов, документов, трупов, освидетельствований, назначений судебных экспертиз. Исходя из некогда возникших замыслов законодателя, такие процессуальные препятствия должны способствовать законности правоприменительной практики, усиливать степень защищенности от полицейского произвола, снижать риски необоснованных ограничений прав личности¹.

¹ См.: Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005. С. 11, 12; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012. С. 19, 20; и др.

Однако, с другой стороны, существующие запреты приводят к невозможности надлежащего собирания и оформления полезных, прежде всего предрасположенных к потере или изменению сведений, к неспособности получения соответствующих доказательств по горячим следам — в первые часы или сутки после сигнала о преступлении, т.е. в наиболее благоприятный для выяснения обстоятельств случившегося период. Конечно, следователи и сотрудники органов дознания в праве активно использовать (и используют!) познавательный потенциал допустимых до возбуждения уголовного дела осмотров, освидетельствований, судебных экспертиз — тех самых вынужденных «ослаблений». Кстати, большинство указанных дозволений появилось лишь в 2008 и 2013 гг.², тогда как ранее разрешалось проводить лишь осмотры мест происшествий. Но подобные возможности весьма лимитированы — они просто не в состоянии обеспечить удовлетворение всех возникающих в стадии возбуждения уголовного дела познавательных потребностей, а результаты их использования не в состоянии заменить результатов других следственных действий, в первую очередь допросов и обысков.

И в этой связи субъектам рассмотрения сообщений о преступлениях приходится обходиться иными «подручными средствами» и способами получения необходимых для их разрешения сведений. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вполне допустимо прибегать к помощи непроцессуальных когнитивных приемов: к получению объяснений, некому истребованию предметов и документов, к назначению ревизий, документальных проверок, прочих внеэкспертных исследований и т.д.; кроме того, дозволяется письменно обращаться за содействием к персоналу оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов.

Вместе с тем результаты подобных мероприятий ввиду их необремененности надлежащими процессуальными гарантиями доброкачественности вряд ли можно признать абсолютно полноценными средствами доказывания, равными по юридической силе доказательствам, полученным в ходе дознания, предварительного следствия и тем более судебного заседания³. Даже несмотря на предпринятую в 2013 г., к слову, весьма неудачную, правотворческую попытку придания этим сведениям

² См.: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49, ст. 5724; Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 875.

³ См.: Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 130.

и материалам большей статусности и официальности за счет предусмотренной ч. 1² ст. 144 УПК РФ вроде бы как возможности их использования в качестве доказательств, невзирая на одновременное усиление формализации порядка рассмотрения сообщений о преступлениях путем введения ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, в реальности подобные информационные активы так и не смогли заслужить должного признания у практических работников. Особого доверия к ним не наблюдается ни со стороны сотрудников и руководителей органов предварительного расследования, ни тем более со стороны прокуроров, судей и, разумеется, адвокатов. Кстати, именно этим во многом и объясняется низкая востребованность предусмотренной гл. 32¹ УПК РФ сокращенной формы дознания, изначально основанной на приоритетности использования в качестве средств доказывания сведений и материалов, полученных в ходе рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Иными словами, сфера применения результатов упоминаемых в ч. 1 ст. 144 УПК РФ непроцессуальных приемов, как правило, ограничивается лишь стадией возбуждения уголовного дела — их познавательный потенциал преимущественно пригоден только для принятия соответствующих процессуальных решений. Тогда как для потребностей последующей правоприменительной практики, в первую очередь для нужд уголовно-процессуального доказывания, они достаточно часто оказываются бесполезными.

Таким образом, должностные лица органов дознания и предварительного следствия после возбуждения уголовных дел сталкиваются с необходимостью повторного получения ранее полученных сведений, итеративного установления уже установленных обстоятельств, но в уголовно-процессуальной форме: посредством обысков — вместо «полицейских» досмотров и оперативных обследований, допросов — вместо получения объяснений и т.д. Встречаются даже случаи, связанные с назначением дополнительных или повторных судебных экспертиз, — они предопределяются предусмотренными ч. 1² ст. 144 УПК РФ возможностями заявления участниками со стороны защиты или потерпевшими соответствующих, причем не подлежащих отклонению ходатайств.

И в этой связи дознавательская и следственная практика обременяется множеством дополнительных проблем, недостатков, шероховатостей. В частности, увеличиваются объемы уголовных дел, процессуальные сроки; возрастает и служебная нагрузка. Кроме того, нередко наблюдается обесценивание процессуальной формы и выхолащивание подлинной роли процессуальных доказательств, то есть не просто полезных сведений, а познавательных ресурсов, накопленных в установленном законодательством порядке с учетом

существующих правовых гарантий их доброкачественности, главным образом юридической пригодности для обоснования приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных актов либо иных ответственных решений. Такие недостатки хорошо заметны на примерах проводимых следователями и дознавателями допросов потерпевших и свидетелей в случаях предварительного получения от них последственных объяснений в отношении тех же самых обстоятельств. Ведь именно добытые по горячим следам объяснения (а не сформированные в дальнейшем показания!) предрасположены к наиболее точному и детальному отражению случившегося, в том числе к доскональной вербальной реконструкции обстановки места происшествия, внешности и других идентификационных признаков предполагаемого преступника, его конкретных действий (бездействия), поведения присутствующих лиц, иных имеющих значение для уголовного дела подробностей. Тогда как формируемые посредством проводимых по прошествии определенного времени допросов свидетельские показания (показания потерпевших) ввиду понятных психофизиологических причин обычно уже не могут характеризоваться столь высокой точностью и беспробельностью. Поэтому нередко возникают соблазны использования явно недопустимой прикладной технологии, состоящей в фактической подмене полноценного допроса банальным переписыванием в протокол содержания ранее полученных от данного лица последственных объяснений. А в связи с повсеместной компьютеризацией правоприменительной практики и появлением технических возможностей изготовления основной массы процессуальных документов с помощью известных программ для редактирования текста подобные соблазны только усилились — реализация таких недобросовестных намерений на сегодняшний день сводится лишь к злоупотреблению примитивным компьютерным алгоритмом *copy → paste* («копировать → вставить»).

Однако проблемы все же возникают в работе с добытыми до возбуждения уголовного дела, но при этом не предрасположенными к многократному получению сведениями об обнаружении и изъятии имеющих значение для доказывания предметов или документов. Например, найденные и реквизированные в ходе последственного досмотра орудия совершения преступления, похищенные вещи и т.п. не могут быть повторно найдены и реквизированы посредством обыска в жилище подозреваемого, отысканные и изъятые во время фактического задержания лица наркотики, оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества не подлежат повторному отысканию и изъятию в ходе личного обыска, сопутствующего составлению дознавателем или следователем протокола

задержания, и т.д., если, конечно, не постараться, грубо нарушив закон, возратить нечто обнаруженное на прежнее место, то есть как бы «запихнуть его назад». В этой связи в правоприменительной практике давно изобретены хорошо известные обходные пути, вроде бы как позволяющие создать иллюзию соблюдения закона, а фактически предполагающие игнорирование принципиально не подлежащих выполнению (!) предписаний. Они состоят в позиционировании материалов непроцессуальных мероприятий – всевозможных протоколов досмотров, добровольных выдачей, актов изъятий, истребований, приемов-передач и тому подобных документов – в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, предусмотренных ст. 84 УПК РФ («Иные документы»). Кроме того, в случаях возбуждения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности нередко встречаются «маскировочные» подмены полноценных обысков осмотрами мест происшествий, осуществляемых во время задержаний взяточдателей (взятополучателей, посредников и т.п.) с личным.

Поэтому неудивительно, что свойственные рассмотрению сообщений о преступлениях столь серьезные противоречия и вызываемые ими никак не поддающиеся преодолению практические трудности, недостатки, шероховатости – объекты постоянной критики и скептических оценок. Уже не первый год в среде специалистов – парламентариев, общественных деятелей, представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокатуры и, конечно, ученых-процессуалистов – обсуждаются вопросы и ведутся достаточно ожесточенные споры и дискуссии о перспективах дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в существующем виде. Высказываются самые разные позиции: от ее полного упразднения⁴, в том числе по примеру ряда стремящихся к европеизации досудебного производства постсоветских государств, до сохранения *status quo*⁵ и даже реставрации некоторых аннулированных в недавнем прошлом процедурных деталей⁶. К слову, наиболее яркими сторонниками ликвидации стадии возбуждения

уголовного дела, конечно, являются дознаватели, следователи и в особенности их руководители, а также, увы, не способные абстрагироваться от корпоративных интересов своей прежней службы в органах предварительного расследования ученые-процессуалисты. Ведь эти перспективы, безусловно, привлекательны избавлением от части обременительных формальностей, сокращением служебной нагрузки, устранением потребностей в преодолении множества практических затруднений, освобождением от гнета прокурорского надзора за законностью и обоснованностью принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях решений.

Однако согласиться с подобными мнениями все же нельзя. Ведь замыслы отцов-основателей некогда введенной в сферу уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного дела – чл.-корр. Академии наук СССР М.С. Строговича и других крупнейших советских специалистов в области уголовной юстиции – по всей вероятности, были далеко не такими беспочвенными, какими могут показаться на первый взгляд. Тем более они вряд ли являлись воплощением правотворческого волонтаризма, предопределялись стремлениями к созданию бессмысленных помех для продуктивности дознавательской и следственной практики. Напротив, эти замыслы скорее всего обуславливались намерениями обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы советского досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью, обычно свойственной исключительно судам или специальным судебно-следственным чиновникам. Разумеется, авторы-разработчики послевоенного уголовно-процессуального законодательства, в том числе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., отчетливо понимали (просто не могли не понимать!) «слабые звенья» подобной системы: в первую очередь рискованность внесудебного формирования полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе доказательствам, получаемым в судебном заседании. И конечно, прежде всего не могли быть оставлены без внимания весьма распространенные ситуации, связанные с проведением т.н. неполнообъемных дознаний (в современной терминологии – неотложных следственных действий) должностными лицами, ранее принимавшими участие в выявлении и раскрытии соответствующих преступлений, например сотрудниками уголовного розыска, подразделений БХСС, участковыми инспекторами милиции и т.д.

⁴ См., напр.: *Кругликов А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Росс. юстиция. 2011. № 6. С. 58; *Гаврилов Б.Я.* XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 11, 12.

⁵ См., напр.: *Быков В.М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал рос. права. 2006. № 7. С. 55; *Волеводз А.Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.

⁶ См., напр.: *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50, 51.

Очевидно, что именно в этой связи и были спроектированы обремененные дополнительными правовыми гарантиями «страховочные» механизмы, позволяющие посредством усиленной формализации следственной, в особенности дознавательской, деятельности обеспечить большую доброкачественность ожидаемых результатов. Одним из таких механизмов стала стадия возбуждения уголовного дела. Ее резонность, вне сомнений, была усмотрена в прелиминарной фильтрации всего множества поступающих сообщений о неких выходящих за рамки обыденности обстоятельствах, т.е. в первоначальном отборе потенциально предрасположенных к попаданию в сферу уголовного судопроизводства деяний. А условия подобного отбора, как известно, было решено связать с первичным распознаванием в объективной реальности признаков преступления, с более или менее четким уразумением обоснованности и перспективности предполагаемого уголовного преследования — только в этих случаях органы дознания или предварительного следствия стали наделяться всей полнотой юрисдикционной правосубъектности, всем спектром соответствующих властных полномочий. Образно говоря, рассмотрением (проверкам) сообщений о преступлениях фактически была уготована роль своеобразных пробных испытаний, осуществляемых в целях осознания возможностей проведения основных изысканий посредством не вполне «безопасных» методов. А следить от имени общества и государства за надежностью результатов таких испытаний, то есть выполнять роль проверяющих контролеров, было вполне ожидаемо поручено прокурорам — именно им в соответствии со ст. 116 УПК РСФСР стало предписано надзирать за законностью стадии возбуждения уголовного дела, в том числе отменять выносимые по ее итогам неправомерные решения.

Нетрудно заметить, что эти же, некогда внедренные в советский уголовный процесс идеи сполна отразились и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Правда, судить об осознанности или банальной инерционности подобного правотворческого решения в настоящее время достаточно сложно. Но тем не менее ясно одно: стадия возбуждения уголовного дела по-прежнему остается важным «страховочным» механизмом, способствующим обеспечению легитимности предварительного расследования в условиях сохранившейся (так никуда и не девшейся!) советской системы досудебного производства, предполагающей наделение юрисдикционной правосубъектностью внесудебных правоохранительных органов. Более того, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ включены даже новые гарантии правомерности возбуждений и отказов в возбуждениях уголовных дел — помимо

традиционного прокурорского надзора эти вопросы попали в орбиту уже доказавшего свою эффективность судебного контроля за законностью дознавательской и следственной практики.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что в случае желаемой многими специалистами ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вновь проявятся несколько подзабытые, но никоим образом не изжитые, а лишь отодвинутые на задний план «слабые звенья» советской системы досудебного производства. По крайней мере никаких альтернативных способов их нивелирования на сегодняшний день не предлагается! А ввиду либерализации правопорядка, усиления криминогенности общества и прочих присущих современной России факторов подобные «слабые звенья» предрасположены к более опасным по сравнению с советским периодом формам и воплощениям — вполне предсказуемы серьезные проблемы, которые уже наблюдаются в отмахнувшихся от механизмов возбуждения уголовного дела постсоветских государствах. И прежде всего актуализируются вопросы внесудебного формирования полноценных, изначально пригодных к использованию для обоснования приговоров (и иных правоприменительных актов) средств доказывания. Причем, в силу predeterminedенных ч. 2 ст. 50 Конституции РФ повышенных требований к допустимости доказательств, эти проблемы станут гораздо более заметными. Кроме того, лишившись права на отказ в возбуждении уголовного дела, органы предварительного расследования столкнутся с потребностью в безусловном принятии к производству огромного, превышающего разумные пределы, количества как бы уже возбужденных материалов о преступлениях, намного превосходящего советские цифры, и т.д.

* * *

Таким образом, ликвидация стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ является абсолютно неприемлемой. Нужны ли в настоящее время подобные преобразования? Думается, что да! Ведь существующий, т.е. «советский», порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, и в самом деле уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики.

Понятны ли направления и перспективы назревших реформ дебютного этапа досудебного

производства? Думается, что далеко не всем! В ином случае следовало бы ожидать не столь спонтанных правотворческих метаний, которые наблюдались в последние годы и сводились не более чем к «латанию дыр», в первую очередь к перманентным корректировкам правил рассмотрения сообщений о преступлениях. Кроме того, вряд ли можно было бы встретить топорные, доктринально непроработанные и обусловленные лишь мнимыми надеждами на улучшение ведомственной статистики предложения о безусловной отмене стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем направления и перспективы подобных преобразований представляются очевидными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быков В.М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал рос. права. 2006. № 7. С. 55.
2. *Волеводз А.Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.
3. *Гаврилов Б.Я.* XX лет российскому уголовно процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 11, 12.
4. *Кругликов А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Росс. юстиция. 2011. № 6. С. 58.
5. *Ляхов Ю.А.* Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005. С. 11, 12.
6. *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев.* М., 2012. С. 19, 20.
7. *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 130.
8. *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50, 51.

REFERENCES

1. *Bykov V.M.* Problems of the stage of initiation of a criminal case // Journal of Russ. law. 2006. No. 7. P. 55 (in Russ.).
2. *Volevodz A.G.* Abolition of the stage of initiation of a criminal case: the price of the question // Criminal Process. 2014. No. 1. Pp. 80–83 (in Russ.).
3. *Gavrilov B. Ya.* XX years of the Russian Criminal Procedure Law: does it comply with the scientific views and requirements of the law enforcer // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 6. Pp. 11, 12 (in Russ.).
4. *Kruglikov A.P.* Is the stage of initiation of a criminal case necessary in the modern criminal process of Russia? // Russ. Justice. 2011. No. 6. P. 58 (in Russ.).
5. *Lyakhov Yu.A.* Legal regulation of the stage of initiation of a criminal case. M., 2005. Pp. 11, 12 (in Russ.).
6. The essence and actual problems of the stage of initiation of a criminal case / ed. by I.S. Dikarev. M., 2012. Pp. 19, 20 (in Russ.).
7. *Khimicheva G.P.* Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept improving criminal procedural activity. M., 2003. P. 130 (in Russ.).
8. *Shadrin V.S.* The fate of the stage of initiation of a criminal case // Legality. 2015. No. 1. Pp. 50, 51 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia